

УДК 323.1(470+571):172.15(=161.1)

Л.Г. Бызов
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ФАКТОР

БЫЗОВ Леонтий Георгиевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: leontiy13@mail.ru.

Русский национализм как идейно-политическое течение становится все более востребованной политической силой, претендующей на ключевую роль в современном обществе. Привлечь на свою сторону националистов пытается и власть, и протестная оппозиция. Автор статьи размышляет о причинах возросшей активности русского национализма, лежащих как в плоскости обострения межнациональных отношений, этнических конфликтов, так и в плоскости процесса выстраивания в России национального государства, формирования политической нации. Именно сочетание этих двух тенденций способствует привлечению к идеям национализма умеренной общественной «середки», а не только радикалов, составляющих не более 10% активной части общества. В статье отмечается возникновение феномена «новорусского национализма», во многом идейно противостоящего традиционной идеологии национал-патриотизма.

Ключевые слова: национал-патриотизм, новорусский национализм, национал-демократия, национальное государство, этнические конфликты, диаспоры, радикалы, угроза государственного распада, сепаратизм, национал-протестная активность.

Осенью 2011 г. по всей стране, почти во всех крупных городах прошли «Русские марши». Трудно, не исследовав вопрос досконально, утверждать наверняка, но нельзя и исключить того обстоятельства, что мы становимся свидетелями переломного момента в новейшей российской истории, сопоставимым по своему значению с 1991 г. Русский национализм, национальная идея становятся факторами, коренным образом меняющими привычную стабильную картину общественной жизни эпохи нулевых. Вот как описывает события 4 ноября один из блогеров, житель Ростова-на-Дону:

«Денек был прохладный, да и проснуться после их речей не мешало. А в баре за стойкой сидели двое взрослых мужиков и громко общались. В итоге зашла у них речь за нынешний праздник, за митинг... И один из них громко, на весь бар, сказал: “С этим зверьем надо поступить как Карл IX в Варфоломеевскую ночь — всех, сразу и без пощады!” В течение пяти минут после этого к стойке переместились все посетители бара. Понимаете? ВСЕ! И тут начался натуральный митинг. Включилась даже барменша. И то, что говорили эти простые, далекие от политики, отдыхающие мужики, было гораздо жестче любых лозунгов Русского марша. Воздух буквально звенел от ненависти. И избирателей Путина среди этих людей не было. Вот так. А ведь то, что идея, овладевшая массами, становится материальной силой,

заметил еще дедушка Маркс. И, судя по масштабам и скорости распространения оной идеи, ждать осталось недолго» [1].

В чем же объективные и, возможно, субъективные причины такой популярности национальной идеи?

Во-первых, межнациональные отношения в России складываются сложно, конфликтно, причем в последнее десятилетие наблюдается тенденция к их обострению. Особенно острая ситуация складывается в крупных городах, мегаполисах, в которых чрезвычайно велики миграционные потоки, интенсивность которых значительно превышает адаптационные ресурсы общества. Возникающая напряженность порождает всплески экстремизма как со стороны коренного населения, так и со стороны инонациональных групп мигрантов. На периферии современной России, особенно в некоторых республиках Северного Кавказа, русское население продолжает оставаться на правах граждан «второго сорта» и постоянно выдавливается вовне, при фактическом бездействии федеральных законов, конституционного права.

Среди аналитиков и экспертов все чаще раздаются голоса о нежизнеспособности современной российской государственности, вероятно, а то и неминуемом новом витке государственного распада. Ситуация усугубляется возрастающими социальными и региональными разрывами внутри самого русского этноса, между центром и удаленной периферией, где интенсивно формируется русская субэтничность, социокультурные и управленческие механизмы, не замыкающиеся на общерусскую, российскую идентичность и государственность.

Продолжается и даже получает новые импульсы «утечка умов», начавшаяся еще два с лишним десятилетия назад, что уже привело к резкому сокращению и качественному ослаблению русской научной и культурной элиты, роль которой в формировании дееспособной нации трудно переоценить. Как пишет известный журналист О. Кашин, «...из массы наблюдений по поводу отношения россиян к их стране я бы сделал вполне грустный вывод о том, что в путинское десятилетие единство России перестало быть абсолютной ценностью. А для многих вообще Россия перестала быть ценностью, потому что эти по миллиону в год отъезжающие на постоянное место жительства — это тоже проблема, которая сейчас почему-то не является топовой в информационной повестке дня» [2].

Кашин делает, на наш взгляд, совершенно справедливый вывод о том, что главная причина наблюдаемого распада — именно кризис русского национального самосознания, который во многом порождает остроту собственно межнациональных противоречий: «...в современной России нет ощутимых межнациональных противоречий. Если завтра с улиц исчезнут полицейские и начнется день открытых убийств, вряд ли эти убийства будут проходить в виде этнических чисток; конфликты будут не межнациональными, а скорее межклассовыми. Но внутри этой России есть не один десяток национальных государственных объединений других народов, и в каждом этническом регионе, будь то Татарстан, Ингушетия или даже Карелия, новое поколение местных жителей воспитывается не то что в духе сепаратизма, а в духе отрицания России» [2].

Если национальное самосознание нерусских диаспор во многом сохранило свои традиционные черты, в том числе высокий уровень социального контроля, то национальное сознание большей части русского населения подверглось серьезной трансформации, утратило многие архетипические черты и приобрело новые, посттрадиционные.

Между тем уровень национализма у русского населения постоянно растет, что отмечает большая часть исследователей. Так до 60% россиян в той или иной степени, с известными оговорками готовы поддержать лозунг «Россия для русских», а 9–12% — поддержать его безоговорочно. Сегодня политические силы, представляющие русских националистов, все еще носят маргинальный характер, они не имеют признанных лидеров и партий, продвигающих такие идеи, но это вопрос времени. Многие аналитики уверены, что именно националисты в том или ином виде через некоторое время станут едва ли не ведущей силой общественной жизни.

Второй, по моим представлениям, даже более фундаментальной причиной подобного разворота общественного мнения стало то обстоятельство, что главными составляющими общественного запроса, сформировавшегося в России на рубеже веков, стали требования порядка и справедливости, и лишь на третьем месте — стабильности. Система, выстроенная Путиным, до определенного момента подпитывалась энергетикой этого запроса, однако постепенно режим стал занимать чисто охранительные позиции, сделав ставку на те слои (в первую очередь коррумпированную бюрократию), которые ни в каких переменах заинтересованы не были, равно как и в общественной активности. В государстве, квазиимперии, выстроенной — или законсервированной? — В. Путиным, ни порядка, ни справедливости ждать не приходится. И с определенного момента энергия запроса стала работать против правящего режима. А возможно, и против самого нынешнего российского государства. Под оболочкой этнического национализма, как наиболее простого и понятного лозунга, скрывается требование создания национального государства с национально ориентированной элитой, обязательными для всех законами и едиными правами.

Между тем сам феномен современного русского национализма крайне слабо изучен. Если в исторической России, как в дореволюционной, так и в советской, националисты выступали сторонниками империи, какую бы форму она ни приобретала, и скорее выступали с охранительных, а не революционных позиций, то сегодня мы наблюдаем зарождение такого явления, как **революционный национализм**. Недавние исследования современной российской молодежи в Институте социологии РАН, выполненные В. Петуховым и Л. Бызовым, выявили картину резкого роста антигосударственных настроений у значительной части молодежи, в том числе и той, которая разделяет идеи русского национализма. Вектор активности «новых националистов» во многом направлен против нынешнего, «актуального» российского государства, воспринимающегося как антинациональное, антирусское. По словам знакового для русских националистов политика Д. Рогозина, произнесенным им в августе на ярославском форуме, *«сегодня главная линия напряженности проходит между этническими группами с Северного Кавказа и русскими. Выходцы из этих республик демонстративно нарушают русский культурный стандарт. Некоторые народы в России равнее других, а русский народ находится в положении дискриминируемого большинства... Либо периферия подчинит центр и варваризирует его, либо периферия модернизирует центр... Никаких политических или правовых "оффшоров" не должно быть...»* [3]. По словам Д. Рогозина, уже более трех четвертей русского населения выступает за отделение Северного Кавказа от России. Другой популярный публицист и политолог Валерий Соловей постоянно говорит о росте этничности массового русского самосознания, все сильнее противостоящей идее многонациональной государственности, традиционной для исторической России. По его мнению, представляющемуся весьма спорным, русская идентичность, основывавшаяся на

государственности, цивилизации, культуре, сегодня замещается идентичностью по крови. С ним солидарен и А.Н. Севастьянов, сформулировавший следующие тезисы о русской идентичности:

- русскость определяется по крови, а не по языковым, культурным или цивилизационным критериям;
- русским людям всегда был неосознанно, инстинктивно присущ расовый образ мысли, проявлявшийся в высокой степени эндогамности;
- Россия либо будет русским национальным государством, либо ее не будет вообще;
- главный конфликт исторической России — между русским народом и имперской властью, имперской парадигмой;
- русских перестало устраивать государство российское в его нынешнем виде;
- русские перестали быть имперской нацией [4].

Подобные утверждения, верные или неверные по сути, сегодня встречают благодарных слушателей. Все громче заявляет о себе новое поколение городской молодежи, принадлежащей к среднему классу, которая представляет наиболее активную, перспективную социальную группу, интенсивно осваивающую новое коммуникационное пространство, и ей становится тесно в рамках аморфной и вялой партии власти, выступающей скорее с охранительной идеологией, чем несущей идеи развития. В этой социальной группе происходит интенсивный синтез националистической и современной либеральной идеологии; ориентации на индивидуальный успех и комфорт сочетаются с обостренным вниманием к идее нации, этноса, этнической идентичности. За последние годы националисты продолжали вытесняться в маргинальное уличное пространство, попытки их объединиться вокруг ДПНИ и других движений аналогичной направленности были жестко пресечены, как результат — рост неуправляемой уличной стихии и криминальной составляющей, уже вылившейся в погромы на Манежной площади, и это еще только начало набирающей оборот тенденции. Нынешнее поколение молодых россиян, выросшее уже после распада СССР, как правило, не разделяет традиционные добродетели русского народа, такие как соборность, бескорыстие, доброта. Это современные жесткие люди, ориентированные на защиту собственных интересов, как они их понимают.

Попытки последовательно сформулировать идеологию нового национализма, в частности, были недавно предприняты публицистом и философом Константином Крыловым. По его мнению, в плане историческом русский национализм является ответвлением традиционной русско-патриотической идеологии, а в плане содержательном — ее отрицанием. Но социальная природа нового всплеска этнического русского национализма совершенно не ясна. Если В. Соловей, А. Севастьянов, К. Крылов и другие видят в ней «бунт этничности» против антирусского государства, то другие социологи склоняются к выводу о том, что его причина состоит в том, что под видимым «бунтом этничности» стоит поиск локальных идентичностей в индивидуализированном и атомизированном социуме, элементарное структурирование общества. Пока преждевременно говорить, что подобные настроения овладели или имеют шансы в ближайшее время овладеть большинством молодых россиян,

среднего класса. Однако постепенно проходит тот период (со второй половины 1990-х), когда идея сильного государства казалась, безусловно, привлекательной.

Традиционные «имперские» националисты (или, как они предпочитают себя называть, «патриоты») ориентировались и продолжают ориентироваться на идею могущественной державы. Патриоты в нулевые годы нынешнего столетия в основном вписались в так называемый путинский консенсус, до поры до времени устраивавший большую часть общества, и стали своего рода смычкой между умеренными левыми и умеренными либералами, объединенными идеей сильного государства. Однако непривлекательность нынешней российской государственности, ее неэффективность и неререформируемость, стремительно подтачивает путинский консенсус. И сегодня больше половины россиян в сильном государстве продолжают видеть главный якорь своей жизни, но тенденция идет в противоположном направлении, к формированию новой, более локальной идентичности.

Это означает, что риски распада российской государственности сохраняются и даже возрастают, правда, в более или менее отдаленной перспективе. Не случайно сегодня и либеральные, и консервативные публицисты, и аналитики все чаще говорят о том, что «сохранить целостность России в нынешнем виде, вероятно, уже не удастся», при этом речь идет не только о Северном Кавказе, но и об удаленных от центра собственно российских регионах, если не политически, то экономически и культурно все в большей степени дистанцирующихся от Москвы.

Огромной проблемой, питающей стихийный и радикальный русский национализм, остается невовлеченность молодежи в «большой социум», в круг общественно и государственно значимых инициатив. Репрессивные меры, применяемые властями к националистам, лишь подогревают в их среде антигосударственные настроения, ненависть к институтам власти и политики. Между тем идеями радикального национализма часто оказываются охвачены многие изначально неполитические группировки молодежи, особенно это касается объединений спортивных фанатов.

Разумеется, когда речь идет о межнациональных конфликтах, в них принимают участие, как минимум, две стороны. Рост стихийного русского национализма вызван вполне объективными причинами — лавинообразными потоками мигрантов с окраин России и из-за рубежа, с одной стороны, а также неспособностью современного российского государства выстраивать эффективные отношения со значительной частью народов, проживающих на территории РФ. Это касается, как показывает опыт последних двадцати лет, далеко не всех народов, а в первую очередь, тех, кто до последних лет существования СССР сохранял традиционный тип отношений со своим «общинным» строем, тейповой структурой, архаичной системой межличностных отношений. С началом в стране «дикого капитализма» резко активизировались некоторые нерусские этнические группы, вспышка пассионарности которых, особенно в кавказском регионе, также была во многом спровоцирована навязанной им в начале 1990-х годов моделью модернизации, ставящей под угрозу существование традиционных общинных групп, законсервированных в поздние советские времена.

Наложение этих тенденций породило проблемы, которые новая российская власть пыталась решить, иногда более или менее успешно (например, проблема Татарстана, очень острая на рубеже 1991–1992 гг.), но чаще — неудачно. И сегодня достигнутый в свое время компромисс между интересами федерального центра и местных кланов (например, фактическое выведение кадыровской Чечни из общефедерального правового поля) перестает

устраивать россиян, что верно подметил Д. Рогозин. В тупик зашла и политика властей по формированию симметричной Федерации — всем понятно, что власть давно утратила контроль над событиями в Северо-Кавказском регионе и скорее плывет по течению, стараясь лишь не допустить каких-то радикальных событий, способных всерьез подорвать ее авторитет в стране и в мире. Пока формируется «асимметричная Федерация», в которой права Рамзана Кадырова никак не сочетаются с правами губернатора рядового российского региона.

Власть не способна защитить права русских на окраинах своего государства, да и похоже, что она махнула рукой на эту проблему. Это означает, что никакого долгосрочного, стратегического видения будущего национального устройства у властей нет, а сохранять стабильность при нынешней политике тоже долго не удастся. Но идеи отделения Кавказа также являются иллюзорным путем решения национальной проблемы, так как все равно остается проблема диаспор, особенно острая в российских мегаполисах, которая лишь усугубилась в результате государственного самоопределения Армении, Азербайджана и среднеазиатских республик бывшего СССР.

Слабая и неэффективная российская государственность, как показала практика, плохо приспособлена и для решения межнациональных противоречий, таких, например, как осетино-ингушский конфликт, конфликт между этническими группами в Дагестане и другими аналогичными, которые существовали давно, но лишь с распадом СССР начали принимать «горячую» форму. Все это очень серьезные проблемы, создающие вызов еще не конца сложившейся новой российской государственности.

И все же сегодня **главная национальная проблема России — это не многонациональность, а состояние самого русского этноса**. Связать общество, в том числе его русское ядро, корпоративно-бюрократическими интересами пока не удалось, пропасть между обществом и государством не преодолена, а само общество, если и порождает субъектность, то на уровне малых групп, не готовых взять на себя представительство национальных интересов как таковых, а сами эти национальные интересы лишь продекларированы властью, но, по сути дела, бесхозны. Нет дееспособных институтов, на которые могла бы быть возложена задача построения национальной государственности, создать их так и не удалось, во многом из-за опасений нынешних элит перед проявлением любой, не санкционированной свыше социально-политической активности. А это означает, что русское большинство во многом оказалось неспособно выполнять традиционную функцию «старшего брата», уступая инициативу в самых разнообразных жизненных сферах нерусским диаспорам.

Неспособность русских к самоорганизации и защите своих национальных интересов по модели «старшего брата» не может не провоцировать вспышки радикального этнического национализма. Отсутствуют актуальные ценности, объединяющие русских (при наличии многих декларативных). А это означает, что «русская Россия», будучи гипотетически созданной, окажется перед теми же центробежными силами распада, с которыми она сталкивается последние два десятилетия.

Отсутствие неимитационного общегражданского социально-политического проекта способствует появлению разного рода локальных и региональных национальных проектов, это форма прорастания социальной активности в условиях, когда общегражданская политика стала своего рода «мертвой зоной», в которой группы общества не видят ни своих интересов, ни своей значимой роли. Самоопределение граждан в качестве носителей региональной

идентичности или в качестве членов малых групп использует национальную идентичность на достаточно примитивном уровне — «свой–чужой», характерной для социальных механизмов такого рода, но это реальные процессы самоорганизации граждан, которые происходят скорее вопреки неэффективной политике государства, не способного востребовать их энергию и реализовать их интересы. Новые формы русского национального самосознания, если и будут восприняты новыми поколениями россиян, приведут к радикальному изменению и политического ландшафта, и самой российской государственности.

Литература

1. АНАТОМИЯ ПОДЛОСТИ. Рассказ о слове Русского Марша в Ростове-на-Дону [веб-сайт]. URL: <http://haile-rastafari.livejournal.com/42318.html>
2. Кашин О. Олег Кашин: «Россия для русских» // OPENSOURCE.RU : [веб-сайт]. URL: <http://www.openspace.ru/mediathek/details/21660/>
3. Дмитрий Rogozin выступил на Мировом политическом форуме в Ярославле с докладом по русскому вопросу: [веб-сайт]. URL: http://clck.yandex.ru/redirect/AiuYODBWFJ4ePaEse6rgeAjgs2pl3DW99KUdgowt9XvqxGyo_rnZJm8yb_44X6dr_RbODmaPGV1kfrWZB9hw80jDmr4oZW8ctwKYpqd0o9oEOr2Kdt8rg1MWMettqQVxzUy4X4spYHc_fq9fCC1QbFKv0N_zYq80ULRhKguWxfyMhwckYI-aA?data=UINrNmK5WktYejR0eWJFYk1LdmtxbXJ4dW9iT0toRVA5bWJlaFN1T2g2aVVZSkVSMnJyU2RDak5EZjdfMjQ3c3NlbXNWbC0zSk5KaWdqOXJ1QWw1M2oxQ3RMTEZReDVOMIBZdmxaQUxQU1J4TEt5aVIRX202bTZt185c0R0UFdhSHJhS0ZmTjIVM2dOUXdGT2xIX0dOQVdRYjA5bnhONFhDSk9JS21ITXZVNjJMSVklYWNiQkE&b64e=2&sign=b13d15fd92900ebde1fb016bc2dd88c2&keyno=8&l10n=ru&mc=2521&i=5
4. А. Севастьянов. Почему всё-таки не состоялась русская революция? : [веб-сайт]. URL: http://clck.yandex.ru/redirect/AiuYODBWFJ4ePaEse6rgeAjgs2pl3DW99KUdgowt9XvqxGyo_rnZJpNjffDg3rinZpN32LX49estdpp1UeLMe0z9-oe6n-QIKmpi6by7nBmNQT4lgPpAe_wJ_oPqgNdeQLjCK2Yk0j5KMkg-TCQhuG3P2p-6p8-Fh8Pnmngdk?data=UINrNmK5WktYejR0eWJFYk1Ldmtxa2NXUHF0RFVFNjIqB2p2RWt2Mm1sWHdGc05v0TA0NDZIYmhCX3JBbFhtODIBdFpLNTBJRnhISmRIZ2JtaW9vazNRcF9ZTW03Z111eIVUc3I3UDVBekQzYjVUY2R0SmtzXzUxSDhTUWVub0g&b64e=2&sign=c09f43640571da41f6cf33962a06b1ee&keyno=8&l10n=ru&mc=2807&i=4